

Преодоление времени (по материалам международной научной конференции, посвященной творческому наследию С.Н. Булгакова). Изд. МГУ; ТЕИС, 1998, 263–278

Л.С.Гребнев,
доктор экономических наук,
профессор Высшей школы экономики

Пытаясь мыслить честно...

На нашей конференции собрались разные люди и по мировоззрению, и по роду занятий. Тем не менее общение оказалось довольно интересным, плодотворным, неформальным. Оно даже заставило меня отказаться от намеченной темы (о субъектности в экономике) и выступить в несколько непривычном жанре – публичной исповеди.

По большому счету, у меня нет истины или хотя бы знания, которым я мог бы поделиться сейчас, в устном выступлении с этой высокой, уважаемой трибуны Московского университета. Я могу только попытаться честно сказать о своих профессиональных и человеческих проблемах, сомнениях, в надежде найти понимание и, возможно, помощь. На такое выступление меня вдохновляет пример "виновника торжества", который, как мне представляется, всегда был честен перед собой, людьми, Богом.

Начну с более простых, профессиональных проблем. Главная из них – кризис преподавания экономической теории. Стремительный переход от марксистско-ленинской теории к "основному течению" (mainstream), свидетелями и участниками которого являются многие из присутствующих здесь, имеет как положительные, так и отрицательные стороны.

Безусловно положительным я бы назвал как раз отказ от преподавания "марксистско-ленинской политической экономии". По сути дела, в этом отказе мы с опозданием на 80-90 лет повторяем С.Н.Булгакова и других русских марксистов начала века. Разница, и большая, в том, что они нашли в себе интеллектуальные и нравственные силы самостоятельно расстаться с "марксизмом", а за нас все как бы решила история.

Отрицательно, на мой взгляд, очень уж быстрое и легкое расставание с К.Марксом, которое произошло как бы "в пакете" с отказом от "марксистско-ленинской политической экономии"¹. С.Н.Булгаков не принял в "марксизме" его выпячивание классов, отвлеченность от реального человека, и двигался к проблематике "раннего Маркса", совершенно неизвестного ни в его время, ни в период формирования советских школ политико-экономической мысли². В том, что можно "уйти" от марксизма, сохраняя искренний интеллектуальный интерес и уважение к творчеству К. Маркса, меня убеждает пример Г.С. Батищева.

Именно этот философ в свое время (в конце 60-х) познакомил меня с К. Марксом, за что я ему признателен и по сей день. Позже, в 70-80 годах Генрих Степанович Батищев как бы повторил путь С.Н. Булгакова, став практикующим православным христианином, но это не мешало ему, как мне кажется, "советоваться с Марксом" чуть ли не до последних лет своей жизни³.

Но дело даже не в самом К. Марксе, а в той "континентальной" традиции мышления, достойным представителем которой он являлся в сфере экономического знания, и которая

---

¹ Вообще-то вызывает большое сожаление и фактический отказ от "воспроизводственного" взгляда на экономическую реальность, но его вернуть в преподавание сравнительно просто можно через понятие амортизации, которое присутствует и в "основном течении".

² Я бы даже сказал, что советские экономисты-теоретики, в отличие от наших психологов, так и не "освоили" интеллектуальное наследие К. Маркса (впрочем, как и Г. Гегеля). Может быть, именно поэтому с таким трудом и пока без видимых результатов идут поиски выхода из сложившейся ситуации.

Попутно я бы хотел обратить внимание на недавно вышедшую книгу "Подсознательный Маркс", автор которой, Александр Лобок, сумел пролить свет на те демонические силы, которые обнаружил и зафиксировал в статье "Карл Маркс как религиозный тип" С.Н.Булгаков.

³ В этом можно убедиться, например, при знакомстве с его работой "Диалектика творчества", депонированной в ИНИОН в 1984 году.

уже в течение нескольких веков выступает как альтернатива "островной" традиции мышления⁴. Перейдя в преподавании экономической теории (точнее, её основ) от "марксизма" к "основному течению", мы, возможно, сами того не замечая, не осознавая сколько-нибудь полно, меняем (пытаемся менять) способ своего мышления. Возможно ли это на самом деле? Не знаю.

Если обратиться к опыту С.Н. Булгакова, то вывод будет скорее отрицательный. В "Философии хозяйства" он принял критику классической теории ценности (трудовой) со стороны представителей школы предельной полезности в части технических деталей. Но не более того⁵. Труд как субъектная составляющая экономической жизни для него не превратился во всего лишь один из "факторов производства" наряду с многими другими. Это особое внимание к труду органично связано у С.Н. Булгакова с его религиозной позицией, его пониманием православия, учением о Софии. Я бы сказал, что выделение "труда" среди факторов производства представляет собой естественное проявление ветхозаветного представления о человеке, о его сотворенности по образу и подобию Бога. В атеистическом миропонимании особая роль "труда" обосновывается с позиций гуманизма. И вообще, русская культура в целом равнодушна к человеку и тем самым как бы сопротивляется привнесению в неё "основного течения" экономической науки, вроде бы безразличного к человеку, "бездушного" и безбожного⁶.

Но есть и другой опыт. Вероятно, многие из присутствующих здесь знают Михаила Андреевича Соллогуба, профессора экономики Сорбонны. В последние годы он активно сотрудничает с кафедрой труда (так она, кажется, называется) Московского университета и с нашей Высшей школой экономики. Родившийся и выросший во Франции этот эрудированный представитель "основного течения" экономической теории является одновременно глубоко верующим православным христианином, активно участвующим в жизни церкви.

Умом я понимаю, что на Западе религия давно уже стала сугубо личным делом каждого отдельного человека, что его жизненный успех (точнее, общественное признание) определяется прежде всего профессионализмом и активностью в одной, отдельно взятой сфере деятельности. Понимаю, кажется, и то, что постхристианские неоязыческие умонастроения, бытующие на Западе, в последнее время имеют новые импульсы развития в связи с усилением экономической роли Востока, стран азиатско-тихоокеанского региона.

Однако, как мне кажется, онтологическая несамодостаточность экономики как части жизни общества, ее служебная роль по отношению к другим, более человеческим сферам жизни, должна находить отражение и в несамодостаточности экономической теории, ее сопряжении с другими, в том числе и *вне*научными формами осмысления жизни.

Во всяком случае, мне трудно преподавать экономическую теорию, особенно макроэкономику, без увязки с социальной проблематикой, реалиями нашей полунатуральной хозяйственной жизни, не всегда поддающейся описанию в категориях, развитых в основном применительно к рыночной экономике. Возможно, это просто неизжитое влияние взглядов К. Маркса и, следовательно, преимущественно моя профессиональная проблема. Но не ис-

---

⁴ В западной литературе термины "континентальное" и парный ему "островное", "англо-американское" применительно к технике мышления применяются уже довольно давно. Их гипотетическую связь с оседлостью и кочевничеством как базовыми типами хозяйствования я попытался показать в брошюре "Суверенитет в экономике" (М., ВШЭ, 1996).

⁵ "Если трудовая теория ценности, по крайней мере, в строгой форме давно уже не защитима даже и в политической экономии, то философская её идея, вернее, выраженное в ней предчувствие чрезвычайно ценно и, освобожденное от несоответствующей и уродливой формы, может получить дальнейшее развитие. И в этом отношении политическая экономия оказалась впереди философии." (С.Н. Булгаков, *Философия хозяйства*, с.106)

⁶ "Возможно, то, что люди подразумевают, говоря о Боге, является всего лишь персонификацией тех традиционных моральных норм и ценностей, что поддерживают жизнь их обществ. Для общества важно не то, как думают, а то, как себя ведут; и коль скоро поступки наши добры и справедливы, для ближнего не имеет ни малейшего значения: ошибочны наши взгляды или нет" (Фрезер) (*Хайек Ф.А., Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма* (пер. с англ.), М., "Новости", 1992, с. 239, 267)

ключено, что дело серьезнее, проблема глубже – в характере моего (и не только моего) мировоззрения – весьма традиционного, фундаменталистского и, по сути, религиозного, хотя и убого.

Так уж получилось, что подобно, вероятно, большинству из участников этой конференции, я был воспитан атеистом. Остаюсь им и сейчас. Но вот что интересно. Когда у нас в стране появилась возможность знакомиться с творчеством Соловьева, других русских религиозных мыслителей, в том числе и С.Н. Булгакова, чтение их работ не было сверхтяжелым интеллектуальным испытанием. Не было, у меня, во всяком случае, ощущения их идей как чего-то чуждого в отличие, скажем, от работ экономиста Хикса⁷. Скорее всего, это связано с тем, что в школе все мы в обязательном порядке "проходили" русскую классическую литературу XIX века и, сами того не осознавая, как бы на подсознательном уровне, приобщались к православной культуре, хотя бы к некоторым её элементам.

Кроме того, учение К. Маркса по сути дела имело религиозный характер, особенно в изложении его последователей, действительных или мнимых, представляло собой очередную ересь по отношению к христианству, причем ересь, остающуюся в рамках "континентального" умонастроения. Высокая степень реальной общности, совместимости мировоззренческих компонент, воспринятых когда-то на сознательном и подсознательном уровне, создает сейчас как бы барьеры, по крайней мере для меня, и для органичного восприятия "основного течения" экономической теории с её "островными" (кочевническими) языческими корнями, и для чисто религиозных исканий, поддерживает преимущественно интеллектуальный характер моего интереса к теологическим работам как С.Н.Булгакова, так и современным.

Здесь, на конференции, исключительно интересно, на мой взгляд, выступил А. Кураев, декан философско-богословского факультета Российского православного университета. Анонсированная им статья "Пантеизм и монотеизм" ("Вопросы философии", 1996 г., №6) с критикой рериховского миропонимания также оказалась очень хороша. Тем не менее, мне бы хотелось остановиться на одном пункте его полемики и сделать кое-какие замечания.

Главный упрек А. Кураева рериховцам, насколько я понимаю, связан с его убеждением в том, что надчеловеческая реальность не может быть менее совершенна, чем сам человек. По этой причине она, как минимум, не может быть безсубъектна, ибо атрибутом субъектности человек обладает. В действительности надчеловеческая реальность должна быть более совершенна, чем человек. Из "требования-минимум" вытекает неприемлемость, несовершенство рериховского и вообще восточного миропонимания, в котором вольно или невольно принижается человек. Из "требования-максимум", если я не ошибаюсь, А. Кураев выводит предпочтительность христианской любви как воплощения совершенства.

Принимая в принципе оба эти требования, я тем не менее не могу принять аргументацию А. Кураева относительно христианской любви. Как и многие другие подобные рассуждения, они представляются мне излишне антропоморфными⁸. В результате исходная посылка – о сотворенности человека по образу и подобию Бога – как бы переворачивается. Бога мы продолжаем пытаться представить по нашему образу и подобию. Пусть это не старик с седой бородой, сидящий где-то на облаке, как это могло бы представиться в детском воображении, но свойства его (любовь, гнев, знание, понимание, прощение) оказываются на удивление похожими на человеческие, только совершенными. Вот это и смущает.

Мне представляется, что при разговоре о совершенстве надчеловеческой реальности, существование которой я признаю, можно и даже должно обходиться без терминов, связан-

---

⁷ Об одной из его работ, "Причинность в экономике", и интеллектуальных трудностях её восприятия мною была написана статья "Между историей и наукой: к анализу проблемы причинности в экономике" (см. Вопросы экономики, 1994, №4).

⁸ "sИ именно у св. Василия Великого мы встречаем подлинный манифест христианского антропоморфизма: "какое понятие приобрел ты о различии сущности и личности (ипостаси) в нас, перенеси его и в божественные догматы – и не погрешешь" (А. Кураев, Пантеизм и монотеизм, Вопросы философии, 1996, №6, с.45)

ных с человеком, по той простой причине, что надчеловеческая реальность должна быть свободна от человека, от факта существования людей. Иначе её совершенство просто невозможно. По сути дела и христианство через представление о Конце Света, равно как и о его начале, мыслит без-человеческое существование надчеловеческой реальности.

Мне также представляется, что понимание субъектности ("ктожности"), имеющееся и в христианстве, само по себе достаточно, чтобы начинать разговор о совершенстве. Я имею в виду субъектность как свободу творения, как действия, не имеющие никакой причинной обусловленности, как спонтанность событий, в конце-концов.

Свойство спонтанности не является исключительной прерогативой человеческой и надчеловеческой реальности. Оно весьма широко распространено и в "подчеловеческой" реальности, если можно так выразиться. Речь идет о спонтанных событиях в живой и "неживой" природе, начиная, например, с самопроизвольного распада атомов некоторых изотопов.

Степень совершенства применительно к спонтанности естественно было бы связать с последствиями её реализации для того, с кем (или чем) произошло конкретное спонтанное событие. При этом в отличие от антропоморфных критериев (любви, понимания) в данном случае существуют и нижняя, и верхняя граница совершенства.

Нижняя граница совершенства (можно сказать, предел несовершенства) спонтанности – исчезновение того, что претерпело спонтанное изменение. Пример этого, по сути дела, только что был приведен: исчезновение атома как следствие спонтанного события его распада. То, что исчезает он не бесследно, в данном случае значения не имеет. Принципиально важно то, что с исчезновением атома радиоактивного изотопа прекращается возможность его, именно этого атома, дальнейших спонтанных изменений.

Верхняя граница совершенства не столь банальна, как нижняя. Ею является отсутствие какого-либо ущерба для дальнейшего существования того, кто/что осуществляет спонтанное изменение. Высшая надчеловеческая реальность, как бы она ни именовалась в различных мировоззренческих системах (материя, Божь) совершенна прежде всего по этому критерию. Все её изменения спонтанны, "самопроизвольны", не вызваны каким-либо воздействием извне (такого просто быть не может, чтобы что-то было "вне") и ни одно из них не ведет к прекращению её существования, хотя бы при этом большие куски реальности, например, человеческий род, исчезали бы.

Между этими абсолютными границами лежит всё разнообразие более или менее совершенных форм реальности, способных к спонтанным изменениям. Среди них и спонтанность, непредсказуемость, "беспричинность" решений как отличительное свойство субъектности человека⁹, его поступков, которые могут иметь самые различные последствия, как позитивные, так и негативные, в том числе и для него самого. Более того, человек свободен в выборе между добром и злом. Никакая надчеловеческая реальность не может "заставить" человека не совершать зла. Иначе просто нет свободы, нет нравственности, нет человека, нет и той самой надчеловеческой реальности, причастность к которой так или иначе ощущает, по-видимому, каждый человек.

Вряд ли существуют сейчас более разработанные системы осознания свободы индивида, чем религиозные, и прежде всего христианские. Можно лишь согласиться с утверждениями, что несовершенство природы человеческой субъектности абсолютно неустранимо, что никому из людей не дано знать "общий баланс" поступков, как своих собственных, так и других людей. Тем не менее, я бы хотел добавить кое-что "от себя", поскольку, как мне представляется, свободу и любовь не следует очень уж сближать, практически отождеств-

---

⁹ Может быть, здесь уместно ещё раз сослаться на авторитет С.Н. Булгакова: "в мировой цепи механической причинности включены звенья абсолютно-индивидуального характера, благодаря которым в данных точках мировая причинность преломляется по-новому". (С.Н. Булгаков, *Философия хозяйства*, с. 215.)

лять, как это часто делают христианские авторы¹⁰. Приходилось у этих авторов встречать и такую мысль: Бог любит людей за их подобие себе, за субъектность, свободу принятия решений, проявляемую хотя бы иногда.

Попробуем рассмотреть ситуацию с субъектностью (может быть, точнее, со спонтанностью) в ближайшем окружении человека в над- и подчеловеческой реальности. Таковыми, по-видимому, являются человеческий род как естественная надындивидуальная реальность для каждого человека, и все остальные биологические виды как столь же естественная подчеловеческая реальность.

Специфика этих видов реальности состоит прежде всего в их онтологическом статусе, если так можно выразиться. Ни человеческий род, ни любой биологический вид не представляет собой сумму всех одновременно существующих индивидов. В них воплощено лишь наличное, текущее бытие этих реальностей. Оно представляет собой необходимый момент циклического процесса их воспроизводства через порождение новых индивидов.

Эти реальности, как и индивиды, их представляющие, да и как вообще всё тварное, обладают атрибутами вещей, предметов: их бытие преходяще, они могут появляться и исчезать, могут претерпевать количественные, качественные и пространственные изменения. В этом они ничем не отличаются и от любых других предметностей, образуемых циклическими процессами (например, обычных вихрей, водоворотов)¹¹.

Что их в корне отличает от других циклических процессов, так это "встроенная спонтанность" изменений при порождении новых индивидов и её роль в продолжении существования данного циклического процесса. Я не думаю, что все изменения биологической предметности можно и нужно объяснять мутациями, не берусь утверждать, что и появление этой предметности есть следствие исключительно самопроизвольных изменений добиологических (физико-химических) предметностей, вошедших затем в воспроизводственные циклы обмена веществ самих индивидов с их внешней средой.

Единственное, что я хочу здесь отметить, это большой шаг вперед по сравнению с нижней границей совершенства спонтанности. Самопроизвольные изменения в процессе появления новых индивидов не только не ведут сами по себе к исчезновению вида, что само по себе уже есть прогресс, но и могут способствовать приспособлению вида к изменяющимся условиям существования индивидов.

Кроме того, поскольку не все изменения условий существования подчиняются причинно-следственным связям, а частично обязаны самым разным проявлениям спонтанности, постольку можно "малую", биологическую спонтанность представлять как своего рода средство защиты от опасностей, исходящих со стороны "большой" спонтанности.

Вряд ли можно объяснить удивительное разнообразие биологических видов без учета фактора спонтанных мутаций. Вырожденным, тупиковым случаем этого разнообразия является человеческий род. Разумеется, мутации сами по себе не исчезли, но вряд ли кто возьмется утверждать, что они сохраняют какое-либо значение в приспособлении человеческого рода к изменениям условий жизни. Кроме того, вырожденность человеческого рода как биологического вида связана с кардинальным изменением роли спонтанности индивида в существовании вида.

Жизнь любого биологического индивида сама по себе по сути дела никак не связана с жизнью вида (и наоборот). Его непосредственное воспроизводство – обмен веществ со средой – происходит как бы само собой, вне прямой связи с процессом образования новых индивидов. Более того, включение индивида в порождение новых может наносить ущерб его собственному существованию. В то же время, исчезновение любого индивида (естественно, кроме "последнего") не имеет существенного значения для продолжения существования ви-

---

¹⁰ Сошлюсь опять на А. Кураева: "У нас есть статус экстерриториальности в этом мире; мы – посланцы. Мы послы того, иного, нематериального мира, в котором действует не принцип детерминизма, а принцип Свободы и Любви. В общем: мы свободны – а, значит, Бог существует" (цит.соч., с. 48)

¹¹ Подробнее о "вещных" свойствах циклических процессов я писал в статье "Предметный мир экономистов: между чувственным и сверхчувственным" (Вопросы экономики, 1993, №4)

да. Поэтому можно говорить о взаимном отчуждении существования индивидов и видов как разных уровней предметности одного и того же циклического процесса. Разумеется, это не является спецификой именно биологической реальности. По сути дела этот же феномен взаимного отчуждения существования, бытия разных уровней предметности можно констатировать для любого циклического процесса. Например, для уже упоминавшегося водоворота: постоянно сменяющиеся молекулы воды – на нижнем уровне, сам водоворот – на верхнем.

Специфика биологической реальности, особенно наглядно представленная в животном мире, состоит в собственной спонтанности индивидов, проявляющейся в процессе их существования. Например, таковой является спонтанное перемещение, поисковая активность даже простейших животных. Причем можно отметить разную степень развитости этой спонтанности, её совершенства по принятому выше критерию: воздействие на последующее существование того, кто осуществил конкретное спонтанное действие. Можно сказать, что спонтанность индивида становится фактором продолжения его собственного существования¹² (добавим, и его дальнейших изменений, развития), точно так же, как спонтанность при порождении новых индивидов – фактор продолжения существования обычных биологических видов.

Пользуясь обычным языком экономистов, можно сказать, что спонтанность индивида представляет собой и дополняющее, и замещающее благо по отношению к мутационной спонтанности соответствующего вида¹³. Дополняющим оно является постольку, поскольку повышение пластичности, гибкости индивида способствует не только его выживанию, но и выживанию вида (чем выше приспособляемость каждого отдельного индивида, тем, "при прочих равных", выше выживаемость и вида в целом). Замещающим оно является постольку, поскольку условие "при прочих равных" не выполнимо в полной мере. Способность индивида успешно взаимодействовать со средой прямо зависит от сложности его "конструкции", её сопоставимости со сложностью среды¹⁴. Но чем сложнее устроен индивид, тем меньше пластичность вида, связанная со сравнительно простым "механизмом" мутагенеза. Причем факты, похоже, говорят о том, что дополняющий эффект часто меньше, чем замещающий. Во всяком случае, ближайшие предки человека (если таковые были) до наших дней не дожили, тогда как многие гораздо более простые биологические виды существуют практически в неизменном виде

Как уже отмечалось, человеческий род это как раз такой "биологический вид", в котором обычная, видовая спонтанность уже "не работает", поэтому судьба этого предмета, этой "вещи" попадает практически в полную зависимость от спонтанности индивидов.

---

¹² Развивая эту мысль, можно даже говорить, хотя и с большими оговорками, о хозяйствовании животных. Именно это и сделал С.Н. Булгаков в "Философии хозяйства" (см. например, стр. 111, так и обозначенную: "Хозяйство у животных").

¹³ Корректное использование термина "благо" в экономической теории (да и не только в ней) предполагает различения двух смыслов другого термина – "субъективность".

Во-первых, собственно субъективного, то есть отражающего воление субъекта, по своему усмотрению приписывающему ту или иную значимость, предпочтительность различным наборам предметов, "благ". или "анти-благ". Именно с этим волением связана аксиома абсолютной несравнимости функций полезности различных экономических агентов.

Во-вторых, влияние на продолжение существования одного определенного предмета ("субъекта") существования и изменений другого предмета (или "набора предметов"). Понятно, что здесь о благе (или анти-благ) можно говорить уже вполне объективно, находясь в позиции внешнего наблюдателя. Неразличение этих двух смыслов может быть причиной путаницы, например, в понимании теории "субъективной полезности".

Только в рамках второго понимания субъектности и, соответственно, благ, возможно отнесение (например, государственными органами) наркотиков и других "предметов" к безусловным "анти-благам", каким бы рыночным спросом они не пользовались.

Понятно, что спонтанность в нашем случае рассматривается как благо тоже в рамках второго понимания.

¹⁴ Кибернетик сказал бы, что сложность регулятора (индивида, субъекта) должна соответствовать сложности регулируемого.

Но эта спонтанность индивидов сама по себе, по своему происхождению, никакого отношения к судьбе вида не имеет. Взаимное отчуждение двух уровней предметности в данном случае особенно хорошо видно в исходном пункте человеческой истории. Род (родовая община) и человеческий род ведут совершенно не связанную друг с другом жизнь. Родовая община – по сути дела коллективное животное, которому абсолютно нет дела ни до жизни других таких же образований (за исключением разве что обмена генетическим материалом), ни до жизни человеческого рода в целом.

Если я не ошибаюсь, в христианстве сохраняется несколько дистанцированное, отстраненное (если даже не отрицательное?) отношение к человеческому роду. Это относится и к началу истории, первородному греху, и к её концу, который является концом именно для человеческого рода, а не для появившихся в результате его существования индивидов, так или иначе продолжающих свою вечную жизнь. Лишь церковь, тело Христово, представляет собой надчеловеческую реальность, выходящую за пределы совокупности одновременно живущих людей. Но достигается это только за счет тех, кто уже прекратил своё земное существование. Будущие поколения никак в этой общности не представлены¹⁵.

Мне почему-то кажется, что человеческую историю можно рассматривать и как процесс постепенного преодоления взаимного отчуждения человеческого рода и непосредственно хозяйствующих общностей за счет постепенного обобществления как хозяйствования, так и присвоения¹⁶.

Рыночная экономика – это очередной, совершенно необходимый этап такого обобществления, связывающий всех одновременно существующих представителей человеческого рода. Но не более того. Связи с предшествующими и последующими поколениями (включая и уже и/или ещё не существующие), в том числе и экономические, не могут иметь рыночного характера (хотя бы в силу отсутствия бытийного равенства сторон). Кроме того, озабоченность исключительно собственным существованием, неизбежная у участников отношений обмена, сохраняет состояние отчуждения – как каждого участника друг от друга, так и всех их от жизни человеческого рода.

Далее. Чтобы человек мог обратить своё хозяйственное творчество на что-то более долговечное, чем собственное существование (хотя и столь же земное), кто-то должен его хотя бы частично освободить от заботы о себе, о своем существовании. Кто это действительно делает, будь то первобытный кочевой род, средневековая крестьянская семья, национальное государство, современная (может быть даже транснациональная) фирма или иной институт, тот и может надеяться на внимание обеспеченных индивидов к их (обеспечителей) экономическим проблемам.

Вряд ли можно серьёзно оспаривать утверждения, что в наше время жизнь самых различных людей гораздо более связана, чем начале человеческой истории, что гарантии существования сейчас больше и распространяются из единых источников на значительно большие группы людей, что экологический императив делает необходимым дальнейшую глобализацию экономического кругозора практически всех хозяйствующих субъектов. По уже имеющемуся опыту интеграции Западной Европы можно представить себе примерно такое

---

¹⁵ Не исключено, что к С.Н. Булгакову это замечание не относится. Свою страницу о хозяйстве у животных он заканчивает следующими словами: "общественное хозяйство у животных и насекомых качественно, а не количественно отличается от человеческой общественности, которая, хотя и берет исходной точкой естественные и общие всему животному миру формы её (семья), но далее расширяется без всяких ограничений и способна охватить рано или поздно весь человеческий род" – цит. соч., с.111-112.

¹⁶ Поскольку помещение этих терминов рядом как различающихся может вызывать вопросы, внесу здесь некоторые уточнения. Хозяйствование я понимаю как аспект экономической деятельности, в котором в центре внимания оказываются осознанные внесения изменений в материальную жизнь внешних предметов, их производство, например), а присвоение – как другой аспект той же деятельности, в котором в центре внимания оказывается привязка жизни внешних предметов к обеспечению интересов тех или иных субъектов. Подробнее об этих категориях я писал, например, в брошюре "Суверенитет в экономике", М., ВШЭ, 1996.

же устройство и мирового хозяйства. Ничем не заменимая роль "человеческого фактора" как творческой силы в постиндустриальном производстве уже не требует особых доказательств.

Всё это говорит о том, что вполне реальна перспектива, во первых, полного замещения человеческой спонтанностью биологической спонтанности как фактора выживания человеческого рода в меняющемся материальном мире, и, во вторых, реального преодоления взаимного отчуждения индивидуальной и родовой ("видовой") жизни, унаследованной человеком не только от биологической реальности, но и от всех циклических форм движения в материальной, вещной природе.

С учетом этой перспективы, после решения проблем выравнивания экологического равновесия в естественных, то есть планетарных масштабах, по-видимому, можно будет сказать, что человеческая спонтанность более совершенна, чем биологическая. Во-первых, отличие от животных человек может быть почти полностью "по ту сторону материального производства", может быть по-настоящему свободен, во-вторых, творческие проявления этой свободы могут быть практически безвредными, "экологически чистыми" во всех смыслах слова "экология". Наконец, в-третьих, именно с человеческой, индивидуальной спонтанностью человеческий род может связывать надежды на свое выживание, приспособление к изменениям, в том числе непредсказуемым, внешнего мира. И здесь, как и в биологической реальности, "малая спонтанность" остается средством защиты от "большой спонтанности".

Вряд ли надо много говорить о том, что и человеческая спонтанность, субъектность остается "почти бесконечно" далека от абсолютного совершенства, о котором здесь уже говорилось. Но разговор о совершенстве хотелось бы завершить здесь несколько иным рассуждением.

Выше несколько раз упоминалось о конкретных типах спонтанности (биологической, человеческой) как о неких средствах, как о чем-то инструментальном, подчиненном интересам существования конкретных же вещных, "тварных" реальностей. Я думаю, что об этом можно говорить только с полным пониманием ограниченности самой постановки вопроса о спонтанности как о средстве. По сути дела, здесь нечто, имеющее корни в высшей, непреходящей реальности, выступает как инструмент на службе чего-то преходящего, будь то индивид, биологический вид или даже человеческий род. Отказ от антропоцентризма, о котором выше уже говорилось, делает просто необходимым такое утверждение.

Свобода (с большой буквы) просто не может быть чьей-то служанкой. Иначе возникает абсурдная ситуация, прекрасно описанная в известном мифе о золотой рыбке и старухе. Свобода может способствовать выживанию, даже росту обеспеченности существования людей (отсюда известный рецепт: "не можешь дать хлеба, дай свободу"), но это отнюдь не является её "смыслом", "предназначением". Поэтому новозаветные призывы не делать культа даже из самых важных человеческих реалий, вплоть до жизни людей, имеют за собой очень серьезные основания. Я бы даже сказал, что эксплуатация, если понимать её серьезно, без демагогии, представляет собой использование более высоких (и высших) проявлений жизни в интересах более низких форм. Паразиты есть и в биологических видах, а выражение "человек – раб желудка" достаточно красноречиво описывает явление самоэксплуатации в мире людей, связанное и с их взаимной эксплуатацией, и с односторонней.

В конце-концов, спонтанность не исчезнет из реальности и после Конца Света для человеческого рода, даже после исчезновения атомов как первичных образований вещного типа. Вообще, словесный язык в силу своей предметности, вещной ориентированности, вряд ли пригоден для разговора на эту тему, точнее, для выражения сверх-человеческих, сверх-вещественных реалий. Может быть, язык музыки подходит для этого лучше? Во всяком случае, мне трудно поверить словам: "Вначале было Слово" как раз из-за "вещной" нагрузки словесного языка, его слишком тесных связей с практическим хозяйствованием.

Понятно, что все, сказанное выше – это не мгновенная реакция на только что прошедшее общение и статью А. Кураева. Не могу даже сказать, что всё это навеяно изучением работ С.Н. Булгакова, начатым лет шесть назад.

Первое приближение к пониманию вещности циклических процессов, их системы и связи со спонтанностью произошло у меня как бы само собой в 1972 году, после нескольких лет почти подсознательных попыток как-то согласовать между собой четыре разных, чуть ли не взаимоисключающих друг друга воздействия: экономико-математического ("кибернетического") и политико-экономического в период обучения на экономическом факультете МГУ, общения тогда же с философами (среди которых уже упоминавшийся Г. Батищев, а также Э. Ильенков, М. Мамардашвили, Г. Щедровицкий) и, наконец, приобщение к практике реального планирования с началом работы в Госплане СССР в 1970 г.

Второе приближение, связанное с пониманием особой роли появления и исчезновения изменений, как конституирующих вещьность, в том числе и циклических процессов, произошло лишь в 1981 г., при попытке изложения моего видения цикличности на университетском семинаре Е. Майминаса–В. Тамбовцева. Наконец, третье приближение, связанное с пониманием ограниченности человеческой свободы, состоялось в 1990 г. при знакомстве с работой С.Н. Булгакова "Философия хозяйства", что побудило меня назвать свою монографию, вышедшую в свет в конце 1991 г., "Философия экономики".

Перечитывая сейчас эту работу С.Н. Булгакова, знакомясь с другими его трудами, особенно книгой "Свет невечерний", я осознаю, что остаюсь очень далек от освоения имеющегося в них богатства форм осмысления жизни, от сопряжения с ними моих экономических изысканий.